

ИНТРОСПЕКЦИЯ: ДИСКУССИИ, РАЗМЫШЛЕНИЯ

И. Н. Семенов

РЕФЛЕКСИВНОСТЬ САМОНАБЛЮДЕНИЯ И ПЕРСОНОЛОГИЯ ИНТРОСПЕКЦИИ: К ОНТОЛОГИИ И МЕТОДОЛОГИИ РЕФЛЕКСИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ (ОКОНЧАНИЕ)*

В данной части статьи теоретические положения, предложенные в первой части статьи, реализуются на эмпирическом материале рефлексивно-психологического анализа интроспективного саморазвития жизнетворчества выдающегося писателя и мыслителя М.М. Зощенко. В течение сознательной жизни он рефлексировал ее перипетии и корректировал смысловое поле своего самосознания, что выражалось в интроспективном развитии стилей его художественного творчества и социального поведения. В заключение характеризуется роль рефлексивного диалога как интроспективного средства активизации самовосприятия и саморазвития индивидуальности. Нумерация разделов продолжается.

Ключевые слова: М.М. Зощенко, личность, поведение, рефлексия, самовосприятие, самонаблюдение, смысл, понимание, саморазвитие, Я-концепция, индивидуальность, субъектность, жизнетворчество.

5. Рефлексивная интроспекция как системообразующий фактор экзистенциальной «сборки» субъекта жизнетворчества

Успешность творческой самореализации человека в процессе профессиональной жизнедеятельности во многом определяется характером того, что В.Е. Лепский (2010) называет «сборкой субъекта». В психологическом плане необходимость в такой «сборке» возникает не только при проектировании психического развития человека в социокультурных системах образования в целях его социализации и организации нормированных взаимодействий индивидов в кон-

Семенов Игорь Никитович — академик РАН, директор Института рефлексивной психологии творчества и гуманизации образования, докт. психол. наук, профессор НИУ ВШЭ. *E-mail:* i_samenov@mail.ru

* Начало статьи см.: Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2015. № 3. С. 22—39.

турах социального управления их общностями или же в случаях дезадаптации этого развития и дезорганизации управления. Она возникает и в рефлексивных по своей природе аутоситуациях — при самопознании, самоорганизации, саморегуляции, самокоррекции, самопроектировании личностью собственного развития и самореализации в процессе жизнедеятельности. С позиций рефлексивной психологии (Семенов, 2000) «сборка субъекта» представляет собой построение человеком целостного образа собственного Я, саморазвивающегося и самореализующегося в актах поведения и процессах жизнедеятельности в непосредственном социокультурном окружении и в современном социуме. Наиболее рельефно феноменология и закономерности экзистенциально-рефлексивной сборки человеком своей субъектности проявляются в жизнедеятельности выдающихся личностей в сфере социального, политического, научного, технического или художественного творчества.

В психологии издавна развивается персонологическая традиция изучения биографии как «истории личности» (Бюлер, 1993). Рассмотрим перипетии творческой индивидуальности на материале рефлексивно-персонологического анализа биографии М.М. Зощенко как истории рефлексии им развития своей жизнедеятельности в социокультурном контексте трагичной сталинской эпохи.

Михаил Михайлович Зощенко (1895—1958) был одним из самых известных массовому читателю писателей и, пожалуй, наиболее любимым сатириком довоенного времени. Как отмечал еще в 1923 г. М. Горький: «Значителен Михаил Зощенко, автор оригинальной серии “Рассказов г. Синебрюхова”, писатель почти уже сложившийся, он нашел свой стиль, свои слова» (цит. по: Серапионовы братья..., 1998, с. 575). М.М. Зощенко оставил читателям не только множество ярких и хлестких сатирических рассказов и пьес, но и ряд научно-художественных повестей, удивительных по своей психологической насыщенности и экзистенциально-рефлексивной исповедальности. Как отмечает известный советский писатель К. Федин: «Основа его [Зощенко] таланта влекла его в русло сатирической литературы. Сатира, однако, тоже не исчерпывала всех его склонностей. От сентиментальных повестей в духе Гоголя он перешел к иным поискам и начал работать над жанром повестей-рассуждений, повестей-исследований, будто с разочарованием отдаляясь от смеха» (там же, с. 67). Именно последние четыре повести — «Письма к писателю», «Голубая книга» и особенно «Возвращенная молодость» и «Перед восходом солнца», — представляют наибольший интерес в творческом наследии Зощенко в контексте современной психологии творчества. Это связано с тем, что оборотной стороной невероятной прижизненной литературной славы Зощенко было мучительное житнетворчество, омраченное сжигавшей писателя ипохондрией.

Возможно, компенсаторным источником именно сатирического таланта Зощенко послужило развивавшееся с раннего детства страдание как некий характерологический психоконфликт. Однако если в первой половине жизни Зощенко реализовался непосредственно в сатирическом жанре, то во второй — его писательство осуществлялось уже в жанре «назидательной прозы», носившей характер научно-художественного поиска причин своего недуга и было опосредовано все усиливающейся экзистенциальной рефлексией. В творческом плане это выразилось в «сборке» им своего Я как нового субъекта писательской деятельности (теперь уже морализирующего, а не иронизирующего), в профессиональном плане — в интенсивном росте литературного мастерства, а в экзистенциальном плане — в освобождении от своего недуга. В социальном же плане все это привело к трагедии: он был ошельмован тогдашней властью, творчество его иссякло, а писательское имя на склоне жизни было обречено на забвение. Лишь в период оттепели 1960-х гг., уже после смерти писателя, его сатирические новеллы и научно-художественные повести вновь стали издаваться, появились работы литературоведов о нем и его выдающемся таланте.

Писательская деятельность и личность М. Зощенко занимают нас в рефлексивно-психологическом и акмеолого-педагогическом аспектах, поскольку, во-первых, его творчество в своей целокупности представляет собой имманентное развитие экзистенциальной рефлексии, инкорпорированной в процесс научно-художественного поиска причин своего недуга, а во-вторых, этот процесс осуществлялся на фоне нарастающего профессионального мастерства, которое продуктивно опредмечивалось в культурно значимых творческих продуктах (рассказах и повестях). Выдающийся писатель Зощенко подвергся идеологическому остракизму не только за то, что его сатира высмеивала негативные явления в жизни советского человека (в утопическом идеале — строителя совершенного общества), но также и за то, что в своих последних повестях он исповедально раскрывал внутренний мир своей творческой индивидуальности, вместо того чтобы принести ее на алтарь господствовавшей социальной уравниловки.

Основание для этого остракизма содержалось в докладе одного из советских вождей А.А. Жданова и в постановлениях ЦК ВКП(б) августа 1946 г. «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» и др., осуждавших А.А. Ахматову и М.М. Зощенко как «пошляков и подонков литературы», допустивших в своих произведениях «злостное хулиганское изображение нашей действительности» наряду с «антисоветскими выпадами». Несмотря на развернувшуюся травлю, А.А. Ахматова, закаленная творческим противостоянием режиму (как жена расстрелянного в 1921 г. поэта Н.С. Гумилева и

мать репрессированного сына — талантливого ученого Л.Н. Гумилёва), стойко выдержала удары судьбы и продолжила писать стихи (чаще всего «в стол»), зарабатывая на жизнь переводами (например, с древнекорейского языка). Психологически это объясняется стойкостью ее характера, адекватной экзистенциальной рефлексией взаимодействия писателя-творца с нетленной великой русской культурой и временщиками сталинского режима. Позитивность социокультурной рефлексии идеологической ситуации, сложившейся в те годы, привела А.А. Ахматову к новой «сборке» своего литературного Я как субъекта независимой (не зависящей от преходящего политического режима) лирико-поэтической деятельности. Благодаря этому она завершила главную поэму своей жизни «Реквием», литературно-критический анализ поэтики А.С. Пушкина и продолжила творчески развивать традиции великой русской лирической поэзии своими произведениями 1940—1960-х гг. В отличие от лирической поэтессы А.А. Ахматовой писатель-сатирик М.М. Зощенко замкнулся в себе и литературную деятельность прекратил. Психологически это означает, что он не смог адекватно экзистенциально отрефлексировать социокультурную ситуацию административного остракизма, ибо не нашел в себе сил и возможностей совершить новую «сборку» своего творческого Я как опального субъекта писательской деятельности.

6. Периодизация жизнедеятельности М.М. Зощенко как рефлекслирующего субъекта «сборки» творческой личности

С учетом рефлексивно-психологической интерпретации данных литературоведения (Серрапионовы братья..., 1998; Федин, 1973; Чуковский, 1990) кратко осветим факты из биографии М.М. Зощенко с акцентом на развитие в его литературном творчестве субъектно-психологической проблематики и ее авторской экзистенциально-аутоисследовательской рефлексии (подробнее об этом см.: Семенов, 20096).

М.М. Зощенко рос в небогатой дворянской семье. Родители — художник и актриса, переехавшие с Украины в Петербург. Получил хорошее воспитание, затем гимназическое образование. В детстве испытывал приступы страха, был замкнут и переживал свое одиночество. В отрочестве страдал от недостатка внимания со стороны отца, был закомплексован и часто хандрил. В 1913 г. он поступил на юридический факультет университета, но после первого курса ушел на фронт Первой мировой войны. Был награжден за отвагу пятью орденами. Пережил отравление газами. Демобилизовался в чине капитана.

В 1917—1919 гг. Зощенко, несмотря на приступы хандры, ездит по стране, пробует себя в двух десятках профессий (в том числе вновь кратковременно служит в Красной Армии), зорко наблюдая характеры людей и своеобразие их поведения в современной жизни. Важно подчеркнуть, что в это время у него формируется богатый и разнообразный жизненный опыт, трансформировавшийся затем в экзистенциально-рефлексивный материал, из которого он осуществляет «сборку» своего творческого Я как субъекта писательской деятельности.

В 1919—1922 гг. Зощенко в Петрограде вливается сначала в студию начинающих писателей (руководитель — К.И. Чуковский), затем в возглавляемый М. Горьким «Дом искусств» (жизнь писателей в нем отражена в романе Ольги Форш «Сумасшедший корабль»), где вступает в литературное объединение «Серационовы братства» вместе с молодыми талантами, составившими потом цвет советской литературы. Здесь, по словам К.И. Чуковского (1990), угрюмый Зощенко, пишущий стихи, пародии на поэтов и писателей, а также юмористические рассказы, получил первое признание и начал осуществлять «сборку» своего творческого Я как субъекта профессионально-литературной деятельности писателя-сатирика.

В 1923—1928 гг. он пишет и публикует сатирические рассказы, оттачивает свое писательское мастерство, получает широкую известность после выхода в свет сборников «Уважаемые граждане», «Сентиментальные повести» и других. Здесь он достигает своего первого «литературно-сатирического» акме и приобретает любовь миллионов читателей. Начинается издание 6-томного (!) собрания его сочинений (1928—1932), а восхищавшие М. Горького, К. Чуковского и многих других профессиональное мастерство Зощенко и созданный им в жанре литературного сказа «зощенковский язык» становятся предметом филологических исследований, в том числе будущего академика В.В. Виноградова (2003). Несмотря на это социально-профессиональное акме, донимающая Зощенко хандра ведет к нагнетанию личностно-творческого кризиса и становится причиной постоянных размышлений о проблеме своего здоровья. На этом этапе амбивалентная по своей экзистенции личность М.М. Зощенко окончательно раздваивается на внешнюю (публично-профессиональную) и внутреннюю (рефлексивно-интимную). Во внешнем плане он по праву является субъектом социально успешной профессионально-литературной деятельности. Во внутреннем же плане изнемогает от тоски и хандры как интроспективный субъект тягостных мыслей о своем душевном нездоровье.

В период 1929—1933 гг. Зощенко переживает перелом в личностном самосознании, начавшийся с рефлексии читательских откликов (собранных им в уникальной книге 1929 г. «Письма к пи-

сателю») и выразившийся в переориентации его творчества с чисто сатирического жанра (оказавшегося уже социально неадекватным в условиях нарождающегося культа Сталина) на жанр назидательно-юмористической прозы. В вышедшей в 1933 г. книге «Возвращенная молодость» Зощенко приступает к откровенному описанию феноменологии своей многолетней хандры и к экзистенциальной рефлексии своей жизнедеятельности в целях исследования причин этого тягостного недуга (представив перипетии этого поиска в контексте занимательного сюжета, развернутого в сатирическом жанре). При этом Зощенко опирается на естественно-научные знания, полемизирует с идеями З. Фрейда, ассимилирует достижения И.П. Павлова, анализирует (по сути, с психолого-акмеологических позиций) закономерности профессионального творчества и проблемы сохранения здоровья и долгожительства выдающихся деятелей культуры (интуитивно приближаясь к пра-акмеологическим исследованиям В. Оствальда и Н.Я. Пэрны — см.: Деркач и др., 2005). На этом этапе М.М. Зощенко осуществляет «сборку» своего нового творческого Я как субъекта практически-исследовательской и научно-популярной литературной деятельности.

В 1933—1939 гг., продолжая юмористически изображать и сатирически бичевать мещанский быт современников, Зощенко сосредоточивается на рассказах о негативных и позитивных жизненных случаях, а также на поисках причин своей хандры («Голубая книга»), углубляя не только экзистенциальную саморефлексию и социорефлексию ценностей бытовой жизни, но и изучение научной литературы в области биологии, физиологии, психологии, медицины, педагогики, философии и т.п. в целях исследования закономерностей профессионального творчества и жизненной энергетике ученых, писателей и общественных деятелей. На этом этапе происходит успешная самореализация М.М. Зощенко как субъекта психолого-культурологической и экзистенциально-личностной рефлексии и научно-популярной и экзистенциально-исследовательской деятельности, посредством которой он обобщает «краткую историю человеческих отношений» (Зощенко, 1994, с. 147).

В 1939—1943 гг. Зощенко активно участвует своим сатирическим и одновременно патриотическим пером в антифашистской пропаганде.

В 1943 г. он завершает экзистенциально-научное аутоисследование глубинных причин своих недугов и обобщает его результаты в повести «Перед восходом солнца». Публикация ее первой части в журнале «Звезда» вызывает неудовольствие Сталина (запрещающего издание второй части), что в дальнейшем (в августе 1946 г.) служит поводом для идеологического шельмования М.М. Зощенко в постановлении ЦК ВКП (б) и в обосновывающем его докладе

секретаря ЦК А.А. Жданова. На этом трагичном этапе происходит социально-психологическая ломка М.М. Зощенко как субъекта профессионально-литературной деятельности, усиливающая исходно присущие ему переживания и тоску.

В период с 1946 по 1956 г. Зощенко в основном занимается переводческой подработкой на фоне угасания таланта. На этом безысходном этапе происходит «сборка» профессионального Я М.М. Зощенко как паллиативного (относительно ценности писательского творчества) субъекта литературно-переводческой деятельности, что подрывает его жизненные силы.

В 1956—1958 гг. происходит отмена постановлений ЦК 1946 г. и реабилитация в общественном мнении честного имени писателя. По словам Д. Гранина, Зощенко поделился с ним замыслом нового сборника рассказов гуманистического характера «Самые удивительные случаи», но написать их уже не успел. Несмотря на забрезжившую политическую «оттепель», он так и не смог окончательно оправиться от катастрофы послевоенного идеологического шельмования и перейти к адекватной сборке своего нового творческого Я как субъекта писательской деятельности.

В период «оттепели» произведения Зощенко стали вновь издаваться, по их мотивам была снята кинокомедия «Не может быть!», пользующаяся огромной популярностью до сих пор. В период перестройки был издан трехтомник сочинений М. Зощенко (1989), где впервые была опубликована полностью его последняя работа — научно-художественная повесть «Перед восходом солнца». Считая М. Зощенко выдающимся сатириком, критика неоднозначно оценивает его научно-художественные повести: от скепсиса относительно включения в прозаическую ткань сатирических новелл научно-популярных изысков при самоисследовании причин своего «угрюмства и хандры» (Чуковский, 1990) до восторженных отзывов (Федин, 1973). Не вдаваясь в филологические диспуты и литературно-критические оценки наследия М.М. Зощенко, обратимся к анализу рефлексивно-психологической проблематики, разворачивающейся в его главных четырех повестях, где представлена как феноменология интроспективного исследования им своих недугов, так и ее экзистенциально-творческая и духовно-нравственная рефлексия.

7. Экзистенциально-продуктивная рефлексия М. Зощенко в процессе исследования им своей жизнедеятельности

Переход М.М. Зощенко от сатирической к назидательной прозе стал зарождаться в процессе рефлексивно-аналитической работы с множеством письменных откликов на свое творчество, в результате

которой родилась оригинальная книга-роман «Письма к писателю» (1929, 2-е изд. 1931). По оценке Ю. Томашевского, эта «книга уникальная. Подобной ни у кого из писателей не было, нет и, вероятно, не будет» (цит. по: Зощенко, 1989, с. 5). Здесь была фактически представлена феноменология социальной жизни и в основном тяжелого быта тех лет. В тексте этой повести рефлексия минимальна: лишь изредка автор позволяет себе выразить свое отношение к письмам или как-то оценивать их содержание. Художественное значение имели отбор писем для публикации в книге и их композиция. Однако в ряде писем затрагивались проблемы здоровья, болезней тела и недугов души, что было созвучно приступам хандры, мучившим порой самого Зощенко.

В этой переломной повести художественный текст начинает перемежаться рефлексивно-акмеологическим аккомпанементом, причем, не только посредством социокультурной рефлексии — в виде научных сведений (о болезнях, об организме, о нервной деятельности, ее нарушениях и их лечении) и комментариев к ним, но и посредством экзистенциально-личностной рефлексии — в виде исповедальных переживаний в связи с собственными недугами и стремлением их преодолеть разумной силой воли. При этом обосновывается воспитательно-гуманистическая сверхзадача — привлечь внимание читателя к акмеологической по сути проблеме самосовершенствования и заботы о своем душевном здоровье как предпосылке социально-профессионального успеха в жизнедеятельности, а также помочь самому Зощенко выработать пути избавления от своих недугов ради такой экзистенциальной ценности, как возвращение молодости. И хотя художественная правда повести «Возвращенная молодость» побеждает ее несколько утопическую назидательность (сюжет завершается достаточно реалистично), все же она знаменует собой рефлексивный перелом в самосознании автора, что выражается в открытом его переходе к научно-художественному методу решения своих экзистенциальных проблем.

Еще больше рефлексивно-лирические отступления автора проявляются в книге М. Зощенко «Голубая книга». Составляющие ее рассказы по стилю юмористические, но каждый из них автор предваряет обширным культурологическим предисловием и нравоучительным послесловием. Тематика этих рассказов («Деньги», «Любовь», «Неудачи», «Коварство», «Удивительные события») тесно связана с проблемами здоровья и поиском рационального лечения недугов. И хотя сам автор отмечает, что «написал не историю культуры, а, может быть, всего лишь краткую историю человеческих отношений» (Зощенко, 1994, с. 147), все же в этой книге во всей полноте разворачивается экзистенциальная феноменология современной жизни со всеми ее социально-бытовыми конфликтами

и невзгодами и обосновывается целесообразность их разрешения с опорой на научные знания. В этом намечается постепенное сближение экзистенциальной позиции героев с философской позицией автора, реализуемой посредством рефлексии и обращения к научным знаниям из области психологии и истории культуры.

Наибольший интерес для психолого-акмеологической проблематики саморазвития и самосовершенствования представляет последняя повесть М. Зощенко «Перед восходом солнца», написанная в 1943 г. Здесь герой сливается с автором. Зощенко открыто и исповедально показывает и рефлексивно обсуждает экзистенциальные проблемы своей жизни, отягощенной изнуряющей его хандрой. В занимательно-детективной манере он живописует перипетии захватывающего поиска жизненных обстоятельств, приведших его к нездоровью, настойчиво исследует психолого-физиологические причины своей хандры и выстраивает рациональные способы ее обуздания с опорой на достижения современной ему науки. При этом он исходит из ассимиляции и критики фрейдизма с передовых позиций учения И.П. Павлова о рефлекторной природе психики и об условных рефлексах. В результате разрабатывает правила рационально-волевого контролирования человеком своих психических состояний, следование которым в целях аутоисследования и самосовершенствования способствует преодолению хандры. Освобождение от этого недуга положительно сказалось на росте писательского профессионализма М. Зощенко, достигшего в этой повести вершины своего мастерства.

В рефлексивно-психологическом плане важно подчеркнуть, что восходящее к акме развитие профессионального мастерства М. Зощенко было опосредовано интенсификацией социокультурной и экзистенциально-продуктивной рефлексии, что эксплицировано им в ее текстовом нарастании от минимума в первой повести до максимума в последней. Еще К. Федин и К. Чуковский отмечали большое значение комментариев Зощенко к своим повестям, но при этом, естественно, не квалифицировали психологически их рефлексивную сущность. Ибо: «В отличие от “Уважаемых граждан” повествование ведется здесь (в “Сентиментальных повестях”. — *И.С.*) замедленным темпом, со вступительными монологами автора, с его комментариями к изображаемому в книге событиям, — новый, неожиданный Зощенко, не такой, каким мы его знали по “Аристократам” и “Баням”» (Чуковский, 1990, с. 589). Аналогично К. Федин отмечал: «Очень важны для понимания зощенковских намерений те спутники, которые следуют за основными жанрами в его вещах. К сатире он дает комментарий, рассказывающий о нравоучительной тенденции темы. К пародии пишет пролог, объясняющий пародийность повести и ведущий борьбу за литературу.

Зоценко... стремится работать так, чтобы могли появиться книги «о литературном деле такого-то». Он думает об этом своем деле как о единственном смысле существования» (Федин, 1973, с. 173). Конечно, дело не в тщеславии писателя Зоценко, а в том, что без его экзистенциально-рефлексивного обращения к себе, к «своему делу» невозможны ни акме-развитие творческого мастерства, ни самосовершенствование личности автора.

Тем самым можно сказать, что в повести «Перед восходом солнца» обнаружилась продуктивная роль экзистенциально-научной рефлексии (причем она здесь максимальна по сравнению с другими тремя повестями) в решении субъектно-психологических проблем творческого саморазвития индивидуальности такого выдающегося уникального писателя, каковым был М.М. Зоценко.

8. Социокультурная рефлексия значения литературного творчества М. Зоценко

Экзистенциальные обстоятельства субъектно-творческого развития писательского мастерства М. Зоценко определялись не только его природным талантом, волевым характером, трудолюбием и ауто-рефлексией, но и исключительно благоприятной социокультурной средой: сначала студии, руководимой выдающимся мастером и критиком К.И. Чуковским, затем созданным М. Горьким издательством «Всемирная литература» в Доме Искусств (где у Зоценко была своя комната-кабинет), а главное — литературной школой «Серационовы братья», из которой вышел цвет отечественной литературы середины XX в.: М. Зоценко, Вс. Иванов, В. Каверин, Л. Лунц, М. Слонимский, Н. Тихонов, К. Федин, В. Шкловский и др.

Ярко описанное О. Форш в «Сумасшедшем корабле» постоянное творческое общение, а также литературные диспуты — вот та перманентная социокультурная и профессионально-продуктивная рефлексия, которая опосредовала личностный рост и развитие литературного мастерства будущих знаменитых писателей. Первым из них известность получил именно М. Зоценко, который поставил перед собой художественную задачу писать занимательно и максимально простым (значит, почти «нерефлексивным») языком, понятным массам его современников, и на волнующие их темы бытовой жизни. Перейдя от пародий на соратников-писателей через бытовой сказ к жанру юмористической новеллы, Зоценко выработал собственный оригинальный многоплановый стиль, вошедший в историю как особый «зоценковский язык», которым написаны его сатирические сборники первой половины творческой жизни и о котором академик В.В. Виноградов написал специальную статью «Язык Зоценко» (Михаил..., 1928, с. 51—92). Его современница

писатель М. Шагинян в 1923 г. отмечала: «Манера Зощенко была гримасой, очень тонким кривым зеркалом ведения рассказа не от себя, а от лица забавного и более примитивного, нежели сам автор (пример Гоголя). Это помогло Зощенко найти основную черту своего дарования: сарказм» (Серапионовы братья..., 1998, с. 583).

Специальное изучение жанров русской сатиры Л.Ф. Ершовым (1977) привело его к выводу о том, что: «Осваивая новую историческую действительность, советский юмористический рассказ и повесть опирались на богатую национальную традицию. В 20-е годы выделяются три основные линии. Во-первых, фольклорно-сказовая, идущая от рашника, анекдота, народной легенды, сатирической сказки, во-вторых, классическая (от Гоголя до Чехова) и, наконец, «сатириконская» (журнал «Сатирикон», выходивший в начале XX в.). В творчестве большинства крупных писателей той поры каждая из этих тенденций может быть выявлена довольно отчетливо. Что же касается Зощенко, то он обращается ко всем трем источникам» (Ершов, 1977, с. 109).

На наш взгляд, в истории мировой литературы аналогичным прецедентом разработанной М. Зощенко многоплановой усложненности пародийной формы является гениальный рефлексивно-иронический стиль знаменитых лирико-прозаических «Песен Мальдорора» французского символиста Лотреамона (Дюкаса): «Повествование в “Песнях” ведется под непрерывный аккомпанемент автокомментария» (Косиков, 1993, с. 58). Действительно, гипертрофированная пародийность как стиль художественных произведений во многом является оборотной стороной переживаний личностных комплексов и поэтому глубоко укоренена во «внутреннем мире» их авторов. Не зря, согласно известному французскому афоризму, «человек — это его стиль». Из воспоминаний К.И. Чуковского (1990) и «Серапионовых братьев» (1998) о М. Зощенко известно, что он как литератор начинал в 1919 г. со стихов и с пародий — сначала на известных русских поэтов, затем на прозаиков и, наконец, на бытовую речь «Уважаемых граждан», после публикации сатирических рассказов о современной жизни которых «Он действительно проснулся в одно прекрасное утро знаменитым» (Федин, 1973, с. 169).

Однако из-за терзавшей с детства меланхолии-хандры, все усиливавшейся параллельно с успехом сатирического писательства, Зощенко оказался в конце 1920-х гг. в перманентной проблемно-конфликтной ситуации развития своего творчества. А ведь именно рефлексивно-продуктивное разрешение проблемно-конфликтных ситуаций жизнедеятельности является одним из механизмов развития творчества (Аникина и др., 2002; Семенов, 1990), причем как научного, так и художественного (Семенов, 2011). В случае же с М. Зощенко проблемность этой ситуации задавалась социокультур-

ным контекстом перехода общества к более жесткой регламентации гражданской жизни, что в перспективе было чревато все меньшей востребованностью сатирического жанра советской литературы. Отсюда осознание Зоценко необходимости поиска иного направления в своем творчестве и, следовательно, новых его форм. При этом конфликтность «мира внутренней жизни» (Косман, 1917; Шадриков, 2006) М. Зоценко и ситуации развития его профессионального мастерства определялась тем, что прогрессирующая хандра-меланхолия поглощала жизненные ресурсы и тормозила творческий рост писателя.

Эти противоречия вызвали аутоисследование Михаилом Зоценко перипетий своей жизнедеятельности и их экзистенциально-профессиональную рефлексию в целях поиска научно-обоснованных способов личностного самосовершенствования для разумно-волевого преодоления недугов, блокировавших дальнейшее развитие литературного творчества. Разумеется, писатель Зоценко не претендовал на научно верифицированное решение проблем такого «оздоровительного» самосовершенствования, но его заслуга в том, что он их поставил перед обществом. Более того, его поиски и подходы заинтересовали ученых. Его приглашали на заседания Ученого совета в Институт мозга и даже И.П. Павлов на свои знаменитые «Среды». Все это значимо и для акмеологии, изучающей профессионализм и творческое мастерство (Деркач и др., 1998).

9. Заключение: Роль рефледиалога в развитии самовосприятия и индивидуальности Я человека

Интроспекция как диалог с собой выступает как экзистенциально-рефлексивный процесс самовосприятия и самообщения человека в форме восклицаний, разговора, рассказа, размышления. Диалог как беседа с собой удовлетворяет базовую потребность человека в самопонимании и самооценке, саморефлексии и самосознании, самопознании и самоопределении, самообосновании и самоутверждении, саморазвитии и самореализации. Он ведется посредством рефлексии в актах самонаблюдения, самоосознания, самоосмысления, самоотношения. Продуктивным результатом самодialogа является самовосприятие образа своего Я, трансформирующегося в знание о Я, т.е. в Я-концепцию как феноменологически противоречивую саморазвивающуюся самоданность, неповторимую, уникальную целостность.

Диалог с собой служит накоплению, углублению, расширению, закреплению внутреннего опыта человека, являясь рефлексивным механизмом развития его индивидуальных процессов и содержания. В его динамике, характеризующейся множеством возмож-

ностей и различных степеней свободы, человеку раскрывается в процессе самовосприятия собственный душевный и духовный мир, происходит ориентировка в мире внешнем благодаря внутреннему проигрыванию вариативных положений и возможных ситуаций, с которыми сталкивается человек в своей жизни. Обретаемая посредством интроспективного диалога с собой опора на собственное Я служит для человека, с одной стороны, психотерапевтической поддержкой от невзгод и одиночества, а с другой — трамплином для дерзаний и творчества. Таким образом, рефлексия внутреннего самообщения как самопознания приводит личность к самосознанию посредством самооценки и самопонимания себя в процессе самосозерцания своей самоданности и саморазвития собственного Я как экзистенциально-интроспективного условия самоопределения и самореализации человека в мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

А.И. Миракян и современная психология восприятия / Под ред. В.И. Панова, Н.Л. Мориной, Г.В. Шуковой. М.: ПИ РАО; Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2010.

Алексеев Н.Г., Зарецкий В.К., Семенов И.Н. Когнитивизм как общепсихологическая концепция познавательных процессов и научения // *Вопр. психологии.* 1979. № 3. С. 164—169.

Аникина В.Г., Коваль Н.А., Семенов И.Н. Исследование экзистенциальной рефлексии в проблемно-конфликтных ситуациях. Тамбов: ТГУ, 2002.

Барабаничиков В.А., Носуленко В.Н. Системность. Восприятие. Общение. М.: ИП РАН, 2002.

Брунер Дж. Психология познания. М.: Прогресс, 1977.

Бюлер Ш. Биография как история личности. М., 1993.

Вдовин Г.В. Персона. Индивидуальность. Личность. Опыт самопознания в искусстве русского портрета XVIII века. М.: Прогресс-Традиция, 2005.

Виноградов В.В. Язык Зоценки (Заметки о лексике) [1928] // *Виноградов В.В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Гоголя до Ахматовой.* М.: Наука, 2003. С. 264—281.

Гальперин П.Я. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий // *Исследование мышления в советской психологии* / Под ред. Е.В. Шороховой. М.: Наука, 1966. С. 236—277.

Гусев А.Н. Ощущение и восприятие / Под ред. Б.С. Братуся. М.: Академия, 2007.

Давыдова Г.И., Семенов И.Н. Эволюция образа Я личности в рефлексивном диалоге // *Мир психологии.* 2009. № 4.

Деркач А.А., Семенов И.Н., Балаева А.В. Рефлексивная акмеология творческой индивидуальности. М.: РАГС, 2005.

Деркач А.А., Семенов И.Н., Степанов С.Ю. Психолого-акмеологические основы изучения и развития рефлексивной культуры госслужащих. М.: РАГС, 1998.

- Ершов Л.Ф.* Сатирические жанры русской советской литературы (от эпиграммы до романа). Л.: Наука, 1977.
- Зак А.З.* Развитие теоретического мышления у младших школьников. М.: Педагогика, 1984.
- Зинченко В.П.* Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010.
- Зоценко М.М.* Письма к писателю. Возвращенная молодость. Перед восходом солнца. М.: Московский рабочий, 1989.
- Зоценко М.М.* Удивительные события. (Возвращенная молодость. Голубая книга. Рассказы и др.). М.: Дом, 1994.
- Ковшуро О.Д., Семенов И.Н.* Исследование рефлексивности самореализации личности в сфере государственной службы. Брянск; Орел: Изд-во ОРАГС, 2005.
- Косиков Г.К.* Вступительная статья // Поэзия французского символизма. Лотреамон: Песни Мальдорора / Под ред. Г.К. Косикова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993.
- Косман М.А.* Динамика внутренней жизни (система психологии). М.: Труд, 1917.
- Кравков С.В.* Самонаблюдение. М.: Русский книжник, 1922.
- Лепский В.Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М.: Когито Центр, 2010.
- Михаил Зоценко: Статьи и материалы / Авторы: В. Шкловский, А. Бармин, В. Виноградов и др. Ред. Б.В. Казанский, Ю.Н. Тынянов. Л.: Academia, 1928. (Сер. «Мастера современной литературы»).
- Полани М.* Личностное знание. М.: Прогресс, 1985.
- Развитие основ рефлексивного мышления школьников в процессе учебной деятельности / Под ред. В.В. Давыдова, В.В. Рубцова. Новосибирск: ПИ РАО, 1995.
- Рубинштейн С.Л.* Принцип творческой самостоятельности [1922] // Вопр. психологии. 1986. № 4. С. 101—108.
- Савенкова И.А., Семенов И.Н.* Рефлексивно-психологические аспекты активизации профессионального самоопределения студентов — будущих психологов. М.; Сочи: НОЦ РАО, 2005.
- Семенов И.Н.* Бехтерев Владимир Михайлович. Блонский Павел Петрович. Выготский Лев Семенович. Вюрцбургская школа. Душа. Желание. Индивидуальность. Кюльпе Освальд // БСЭ. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1970—1973.
- Семенов И.Н.* Проблемы рефлексивной психологии решения творческих задач. М.: НИИ ОПП АПН СССР, 1990.
- Семенов И.Н.* Методологические основы Московской школы рефлексивно-гуманитарной психологии и педагогики творчества // Методологические концепции и школы в СССР (1951—1991 гг.): История, истоки и перспективы: Мат-лы междунар. науковед. конф. (Новосибирск, 22—24 сент. 1992 г.) / Отв. ред. И.С. Ладенко. Новосибирск, 1992. Ч. 1. С. 35—56.

Семенов И.Н. Тенденции развития психологии мышления, рефлексии и познавательной активности. М.; Воронеж: АПСН, 2000.

Семенов И.Н. Индивидуальность в диалоге с собой: Экзистенциально-рефлексивный подход к индивидуальности // Психология индивидуальности: новые модели и концепции / Под ред. Е.Б. Старовойтенко, В.Д. Шадрикова. М.; Воронеж: МОДЭК, 2009а. С. 285—331.

Семенов И.Н. Рефлексия как системообразующий фактор экзистенциальной сборки субъекта творческой жизнедеятельности // Рефлексивные процессы и управление. 2009б. Т. 9. № 1—2. С. 101—114.

Семенов И.Н. Экзистенциально-культуральная рефлексия во взаимодействии художественного и научного творчества в культуре Серебряного века // Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам. Серия: Научные школы ИП РАН / Под ред. Д.В. Ушакова. М.: Изд-во ИП РАН, 2011. С. 606—624.

Семенов И.Н. Учение П.Я. Гальперина об ориентировке как концептуальная база рефлексивной психологии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2012а. № 4. С. 83—91.

Семенов И.Н. Вехи и логика развития рефлексивной психологии творчества на рубеже XX—XXI веков // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2012б. № 2—3. С. 7—32.

Семенов И.Н. Методологические проблемы этимологии и типологии рефлексии в психологии и смежных науках // Психология. Журнал ВШЭ. 2013а. № 2. С. 24—45.

Семенов И.Н. Рефлексивная психология инновационного образования. М.: Наследие ММК, 2013б.

Семенов И.Н. Философские трактовки смысла как методологические средства изучения психологии рефлексии // Мир психологии. 2014а. № 1. С. 142—154.

Семенов И.Н. Системодеятельностная методология и рефлексивная психология мышления. М.: Ин-т развития им. Г.П. Щедровицкого, 2014б.

Серапионовы братья. Антология. М.: Школа-Пресс, 1998.

Скорин Ю.А., Семенов И.Н. Рефлексивная герменевтика понятия «образ» как социокультурный прототип гуманизации образования // Инновационная деятельность в образовании. 1995. № 2. С. 40—54.

Старовойтенко Е.Б. Психология личности в парадигме жизненных отношений. М.: Академический проект, 2004.

Федин К. Михаил Зоценко // Федин К. Соч.: В 10 т. М.: ХЛ, 1973. Т. 9. С. 169—178.

Челпанов Г.И. Проблема восприятия пространства. Ч. 1. М.: ПИ РАО; МГППУ, 2011.

Чудновский В.Э. Смысл жизни: проблема относительной эмансипированности от «внешнего» к «внутреннему» // Психол. журнал. 1995. № 2. С. 15—26.

Чуковский К.И. Зоценко // Чуковский К.И. Соч.: В 2 т. Т. 2. Критические рассказы. М.: Правда, 1990. С. 547—604.

Шадриков В.Д. Мир внутренней жизни человека. М.: Наследие ММК, 2006.

Шмальгаузен И.И. Организм как целое в индивидуальном и историческом развитии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1942.

Щедровицкий Г.П. Мышление. Понимание. Рефлексия. М.: Ин-т развития им. Г.П. Щедровицкого, 1996.

Поступила в редакцию
11.02.15

THE REFLEXIVITY OF SELF-OBSERVATION AND PERSONOLOGY OF INTROSPECTION: TO ONTOLOGY AND METHODOLOGY OF REFLEXIVE PSYCHOLOGY OF PERSONALITY (THE END)

I. N. Semenov^{1, 2, 3}

¹ *Russian Academy of Natural History, Moscow, Russia*

² *Institute of Reflexive Psychology of Creativity and Humanization of Education, Moscow, Russia*

³ *Higher School of Economics - National Research University, Moscow, Russia*

Abstract: In this part of the article theoretical positions proposed in the first part of the article, are implemented on empirical material of reflexive-psychological analysis of introspective self-life-creativity of the outstanding writer and thinker M.M. Zoshchenko. Given held them all his life a dramatic existential introspection M.M. Zoshchenko and corrected to reflect the semantic field of their identity, which was reflected in the development of introspective style as his artistic creativity, and social behavior of the individual. In conclusion, characterized the role of reflective dialogue as a means of enhancing introspective self-perception and self-development of individuality.

Key words: Mikhail Zoshchenko, personality, behavior, reflection, self-perception, self-observation, sense, understanding, self-development, self-concept, personality, subjectivity, life-creativity.